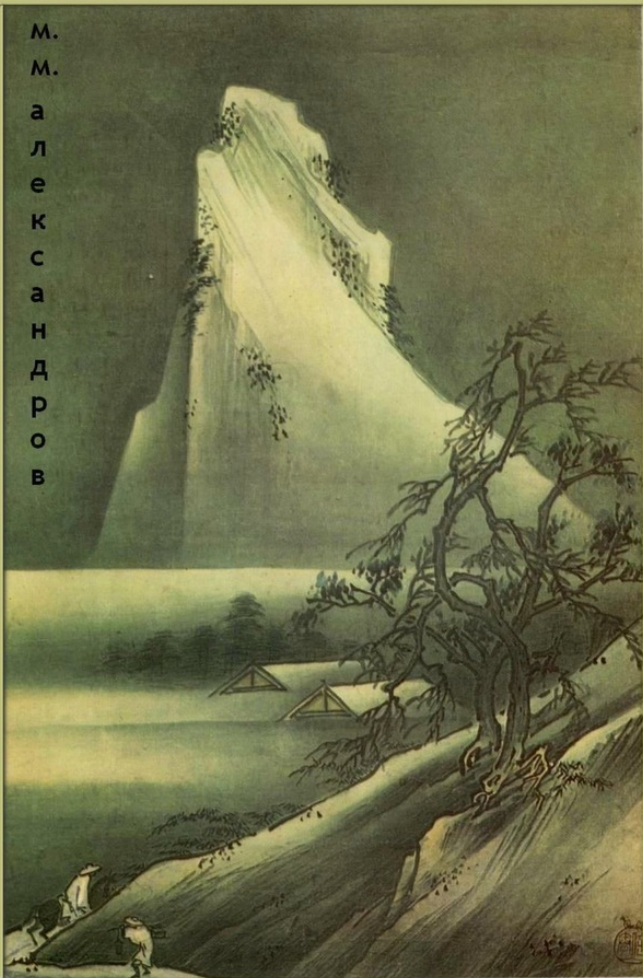

В
О
С
Х
О
Ж
Д
е
н
и
е
в
с
ф
е
р
у
р
а
з
у
м
а

М.
М.
а
л
е
к
с
а
н
д
р
о
в

Максим Максимович Александров

Восхождение в Сферу Разума.

Мифическая космография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22817720

ISBN 9785448371042

Аннотация

Архетипическая реальность – это мир снов и видений, легенд и астральных путешествий. Для древних он был частью реальной географии; человек Нового времени скорее воспримет его как царство фантазии. Но устойчивость и повторяемость образов иной реальности, встречающихся у повествователей разных времён и народов, заставляет отнести к ним серьёзнее, чем просто к поэтическому вымыслу. Искусство и литература XX века не исключение... Книга входит в серию, посвящённую мифической космографии.

Содержание

Введение	5
Сфера Стихий	9
Земля	13
Синдром пришельца	13
Genius loci	14
Приход духов	17
Некоторые сюжеты	19
Приложение	24
Миры Карлоса Кастанеды	30
Вода и Воздух	44
Смена хозяев	44
Мировые воды	45
Рубеж	45
Мир иллюзий	46
Мёд поэзии	47
Некоторые сюжеты	49
Приложение. Йейтс. Кельтские сумерки	51
Миры Михаила Булгакова	55
Огонь	67
«Лучше быть последним подёнщиком на земле...»	67
Per aspera ad astra	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Восхождение
в Сферу Разума
Мифическая космография
Максим Максимович
Александров**

© Максим Максимович Александров, 2017

ISBN 978-5-4483-7104-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

*Теперь понятно, что мудрец изрёк
«Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и всё в тебе мертво. Умойся
в утренней заре, как в море
Очнись, вот этот мир, войди в него».*

Гёте. Фауст

Архетипическая реальность – та, которую описывает мифическая космография, – это мир снов и видений, легенд и астральных путешествий. Для древних он был частью реальной географии; человек Нового времени, скорее, воспримет его как царство фантазии. Но устойчивость и повторяемость образов иной реальности, встречающихся у повествователей разных времён и народов, заставляет отнестись к ним серьёзнее, чем просто к поэтическому вымыслу. Искусство и литература XX века не исключение: в вымышленных мирах, созданных художниками и писателями, мы вновь и вновь встречаем сюжетные схемы, восходящие к мистикам и духовидцам далёкого прошлого. В этой книге мы постараемся соотнести ряд базовых сюжетов и описаний из различных произведений со структурой архетипической реальности, открытой древними и современными «психонавтами». И окажется, что «Иной мир» имеет к нам не столь уж отда-

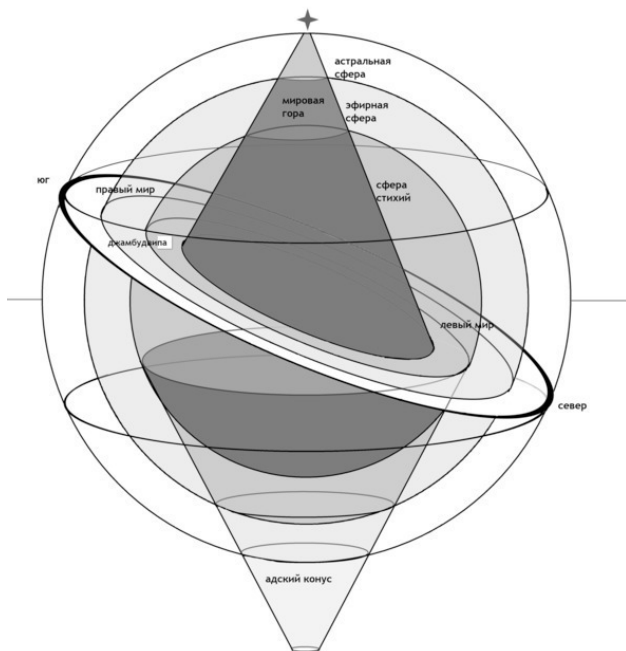
лѐнное отношение...

Для начала попробуем войти в образную систему и логику космографического мифа.

Мифологическая модель Мирового Яйца, которой мы воспользуемся, известна в очень многих традициях¹.

---

¹ В книге широко используется терминология буддизма, а также античных «теологов» времѐн среднего платонизма, чьи сочинения легли в основу последующих западных и ближневосточных мистических изысканий. У платоников заимствованы понятия стихийной, эфирной, астральной сфер, составляющих оболочки Мирового Яйца, и Сферы Разума как части Мировой Души, не растворѐнной в Природе, но пребывающей вечно и свободно за пределами всех сфер. Это, конечно, не означает, что именно платоновской системе здесь отдаѐтся предпочтение.

В подробности мы здесь пускаться не будем², но обозначим основные архетипы.

Сферы-оболочки окружают земной «желток», всё более «утончаясь» по мере удаления. За сферой Стихий (Воды, Воздуха, Огня) следует сфера Эфира, потом сферы планет-

² Подробно схема рассмотрена в другой книге этой серии – «Введение в мифическую космографию».

ных орбит и, наконец, звёзд – это Астральная сфера. Выйдя за пределы последней по направлению «вверх», можно достичь Сферы Разума, «вниз» – погрузиться в безначальный Хаос.

«Плоскость земли» на схеме скорее имеет астрономический смысл, чем реально соотносится с нашей физической Ойкуменой (последняя обозначена белым квадратиком), однако, по описанию мифов, путешествие по ней – это движение по горизонтали. Джамбудвипа – это название нашего «континента» (т. е. реального окружающего нас земного мира) в буддийской мифологии.

Чем дальше от Земли, тем выше и совершенней миры. Но по логике мифа путник может их достичь, не только поднимаясь в небеса или взбираясь по склонам Мировой Горы, но и опускаясь в подземелья – нисходя на Нижние Небеса, или даже просто двигаясь к горизонту. При этом всегда существует рубеж, за которым привычный мир становится всё более сказочным. Это может быть река, или море, или просто густой туман. Вход может быть через пещеру, или колодец, или через изменённое состояние сознания.

Сфера Стихий

*Саламандра, жгись
Ундина, вейся,
Сильф, рассейся,
Кобольд, трудись!
Кто слышит впервые
Про эти стихии,
Их свойства и строй,
Какой заклинатель?
Кропатель пустой!*

Гёте. Фауст

Куда ведёт этот вход? Туда, где, как считалось, постоянно обитали и ныне обитают предки. В магический мир, через который происходит управление нашей реальностью. Мир говорящих зверей и одушевлённых стихий, место, где можно встретиться и договориться с хозяевами всего сущего, узнать их волю и получить новое знание.

Уже в самые древние времена ворот в эту страну было известно несколько:

Сон

Это изменённое состояние сознания доступно каждому. Граница сна и яви в мифическом сознании размыта. Но сон может обладать более высоким сакральным статусом, ведь в нём возможна встреча с духами и предками. Недаром ми-

фологическое время предков называлось австралийскими аборигенами «временем сновидений».

Безумие

Безумие, временное или постоянное, тоже было священной болезнью, через которую с миром говорит Иное. Оно могло иметь и инициатический характер.

Вообще в современной психиатрии сознание первобытного человека, скорее всего, было бы оценено как клиническое. Начиная с того, что у него было несколько душ, с которыми он мог вступать в диалоги...

Смерть

Смерть – это самый надёжный способ встретиться с духами, поэтому и статус у неё наивысший. Смерть и воскресение – инициация, которая, по сути, моделирует все остальные.

Следующие три входа уже могут считаться психотехниками и известны как «архаические техники экстаза». Основных тоже три:

Танец

Танец, ритм – древнейшее искусство и одновременно техника, вводящая в трансовое состояние. Духи тоже являлись танцующими и отличались друг от друга своим танцем. Здесь истоки и Цама, и круга эльфов...

Боль

Боль и предельное страдание вообще во все века были способом приобщения к иному. Здесь и крайний аскетизм

с умерщвлением плоти, и болезненные инициации, и культ мучеников, и пытки пленных, приносимых в жертву индейцами...

Психоактивные вещества

Применялись с древнейших времён. В современной антропологии всё больше сторонников гипотезы, связывающей пещерную живопись с сюжетами галлюцинаторных видений. И божественная сома-хаома и мазь ведьм имеют к этим веществам самое прямое отношение.

Наконец, ещё три входа, более абстрактных:

Символ

Иная реальность или вход в неё здесь моделируются, изображаются. Чтобы войти, воспользовавшись символом, требуется достаточно разработанное сознание.

Символизировались и базовые биологические программы: выживание, размножение, доминирование обрели сакральный статус в форме войны, власти и секса и также стали рассматриваться как врата. Пища тоже была символизирована – в сакрально-оральном комплексе (причастие и прикладывание к мощам и иконам – его развитие).

Жертва

Жертвоприношение основано на символе. Семантика его разнообразна и подвергалась многостороннему осмыслению в традициях: от «даю, чтобы ты дал мне» до самопожертвования (акт, неизменно вызывающий у окружающих катарсические переживания). Но в любом случае жертва – это при-

глашение «той стороны» к активному диалогу.

Путешествие

Тема, которой в основном и будет посвящена эта книга.

«Космос» древнего человека был очень мал. Путешествие, как выход за его пределы (в ночь, лес, море, руины, дальние страны), уже было символической смертью, местом встречи с Иным, поджидающим порой за ближайшим поворотом. Но постепенно маршруты вглубь Иного становились всё дальше, а техники погружения – всё изощрённей.

И всегда были люди с естественным обострённым восприятием архетипической реальности. Неслучайно поэзия в древности считалась чем-то сродни одержимости...

Земля

Синдром пришельца

Возможно, в этом виновата история нашего вида, связанная с постоянным расселением-переселением по планете, но человек ощущал себя на земле пришельцем, живущим в окружении настоящих хозяев. Это животные и растения, духи-хозяева зверей, лесов и вод. Даже в собственном доме человека хозяином был домовый.

Чтобы войти в этот мир, человеку требовалось усыновление – необходимо было установить своё происхождение от земных богов и тотемов.

Хозяева были чужды, они скрывались и внезапно обнаруживали свою власть. Они были смертельно опасны и непредсказуемы. В них не было ничего рационального, их обуревали неконтролируемые вулканические страсти. Их причудливый уродливый облик точно соответствовал содержанию. Чтобы попасть на их территорию, достаточно было оказаться одному или заночевать в пустынной местности.

Миры сосуществовали через оборотничество. Люди, звери и духи постоянно превращались друг в друга, притворялись друг другом.

Умерев, люди и звери становились бродячими духами, та-

кими же опасными и хтоническими (но, как и звери, поддающимися приручению).

И хозяева, и предки (в рассказах о них) вели себя совершенно асоциально. Они пребывали вне системы запретов, но именно это и характеризовало их как сакральных персонажей. Господствовала ксеносакральность: по-своему было священно всё чужое, враждебное и опасное и, конечно, поражающее воображение.

Правитель, шаман, пленник, изгой, чужак – все они принадлежали миру Иного.

Внекосмичность иных, вытесненных за пределы социума и огороженных забором почитания, цементировала космичность общины, поддерживаемой системой табу.

Но чтобы жизнь продолжалась, заборы эти должны были быть проницаемы.

Потому что источник жизни находился там – у настоящих хозяев.

Genius loci

Освоение мира человеком происходило через истории о космизации хаоса предками (ещё не совсем людьми), которые создавали объекты материального мира или становились ими сами. Знание историй об этих событиях и превращало мир вокруг в малый космос. Мир населялся знакомыми призраками.

Другим путём становится договор с гением места – богом или богиней местности. Этот путь характерен уже для аграрных культур. Такой бог твёрдо привязан к конкретному ландшафту. Завоеватели, приходя туда, приносили ему жертвы. Аборигены скрепляли союз священным браком. Почитанием получив лояльность бога-хозяина, его почтительно помещали в резервацию – святилище. Священная роща, священная гора или священный колодец/родник уже были привязаны к космической вертикали – новой ступени развития мифологии. При удачном стечении военно-политических обстоятельств такой местный бог мог стать богом царствующей династии, богом города, страны, верховным божеством.

Изначальный «непристойный культ» стыдливо укутывался покрывалами тайны, прятался за храмовыми стенами, освящался древностью, становился или профанированным простонародным («низшая мифология»), или, напротив, элитарным.

Вообще запретное, тайное и элитарное шли рука об руку. Правитель и изгой, составляя два полюса социума, смыкались в своём особом отношении к ландшафту. Они были вне общепринятых табу (и даже обязаны были их нарушать – особенно сексуальные), потому что наполовину относились к миру предков и духов, хранили древнейшие модели поведения³.

---

³ Смыкался даже образ жизни. Так, для горожанина к миру природных духов

Объектами локальных культов становились и разного рода упыри, бхуты, незаложные мертвецы, утопленники, умершие чужеземцы, всевозможная нечисть, с которой по-прежнему было лучше не ссориться.

В буддизме эта категория духов именовалась прета – это существа, одолеваемые непрерывным голодом, т.е. находящиеся во власти неодолимых страстей. В индуизме – ганапати, свитой Шивы. С подобными духами-кровопийцами была связана соответствующая атрибутика: черепа, кладбища, пепел трупосожжений, ведовская практика, приводящая к обретению магических способностей.

Именно сюда обратили свой взор ранние буддийские и индуистские тантрики, заимствуя и перекодируя символику и выдвигая программу преобразования пылающих страстей в путь к просветлению.

В других случаях «неистовые» формы религиозности входили в официальные религии, базируясь вокруг очень древнего образа Великой Матери или двух мощных архетипических персонажей (применительно к древнегреческой мифологии – Аполлона⁴ и Диониса). Но выпускались на волю

ближе стоит бедный поселянин (находящийся внизу кастовой лестницы), но при этом элитарным считается проживание в загородной сельской усадьбе; для поселянина посредником с миром духов служит лесной дикарь, пария, при том что одновременно охота является основным занятием аграрной элиты.

⁴ Только не к прилизанному эллинистическому Аполлону, с которым Ницше связал прямо противоположное понятие «аполлоническое», а к изначальному

только в строго определённых местах или в строго определённые дни...

Приход духов

Густую тропическую ночь прорезает, разрывает в клочья ни на что не похожий рёв, сопровождаемый нарастающим гудением и высокими нечленораздельными голосами. В ужасе женщины и дети падают плашмя, закрывают глаза руками – в деревню входят духи. Их причудливый облик, лишь отдалённо человекоподобный, вызывает оторопь, лица закрыты масками. Деревня захвачена – духи врываются в хижины, бесчинствуют, требуют выкупа, духи танцуют. Они трубят в огромные горны и дудки из человеческих костей, это их голоса. Перед рассветом они вернутся во мглу леса.

Подобную картину ещё недавно можно было наблюдать по всей Южной Америке, на Новой Гвинее, в лесах Конго.

Приход мог преследовать конкретную цель, например инициацию подростков. Тогда духи пожирали мальчиков и те умирали, чтобы воскреснуть уже взрослыми.

У некоторых племён действие сопровождалось реальным каннибальским пиром, с поеданием пленных.

С теми или иными вариациями подобное происходило по всему миру, выступали ли в роли духов, нарядившись, все

мужчины общины, как у первобытных племён, чужаки из соседней деревни, профессиональные жрецы (центральноазиатский Цам), или медиумы, в которых вселялись духи (как в вуду). Тот же смысл имел изначально Самхайн/Хэллоуин, карнавалы, хождения ряженых у славян и т. д. и т. п.

Наиболее ранние формы дают возможность чётче осознать смысл и символику происходившего. Освоенная территория общины – её мини-космос. Лес и его духи-хозяева, чужаки, мёртвые, предки, самые жуткие персонажи мифологии и фольклора, – обитатели хаоса, одновременно источника смертельной опасности и плодоносящей, животворящей силы.

Эти силы вносят в жизнь неистовство, разгул, разрушение, вселяют неподдельный ужас, но они же наполняют энергией людей, животных, растения. Цель мистерии – провести встречу с ними максимально по правилам, по обычаю. Не дать силам ночи вырваться из-под контроля и уничтожить деревню-космос (во всей Южной Америке был распространён рассказ о маске ягуара, приросшей к лицу ряженого танцора, который перебил всю общину).

Мистерия эта возникла задолго до того, как утвердились чёткие представления о верхе и низе, прави и нави. Но по мере оформления должного в тень отеснялось всё больше недозволенного, социально разрушительного, которому, однако, позволялось в условленные дни выходить на поверх-

ность. Это, в частности, произошло и с дикими, необузданными формами сексуального поведения. Причём очень архаичные формы оказывались живучи и во вполне цивилизованных обществах, вплоть до порога Нового времени.

Некоторые сюжеты

Медиумизм и одержимость

Эти феномены имеют очень древние истоки. В раннем синто в шаманок вселялись и вещали духи-ками (в поздние времена это характерно больше для сектантского синто). В вуду духи лоя, входя в тела адептов, полностью овладевают ими; при этом сам медиум не помнит, что происходило, пока в его теле пребывало божество.

Ближневосточные пророки и поэты говорили, когда в них входил дух (будь то джинны или «духи пророческие»). «Боговдохновенность» появляется в Греции в связи с культом Аполлона: шаман Аристей, одержимый Фебом Абарис, дельфийский оракул...

Механизмы «демонической одержимости», в отличие от вышеназванных, предельно разрушительны для самого одержимого и для его окружения и выражаются в формировании, наряду с эго, паразитарной квазиличности.

Оборотничество

Предельная лабильность, всеобщее оборотничество считались характерным для мира первопредков. Участники мистерии «превращались» в духов, в том числе в духов животных. Предко-звериное вызывалось из глубин ночи/бессознательного для магического превращения (например, в африканских тайных обществах).

Неконтролируемое превращение в зверя (как в европейских легендах) сродни одержимости. Оборотничество чаще бывает направлено по иерархии вниз: бог становится человеком, человек – зверем.

Инициация через смерть

Как подросток в древней инициации умирал, пожранный чудовищем, чтобы родиться взрослым, так взрослый должен был умереть – быть повешенным, растерзанным, съеденным духами – и возродиться, чтобы стать шаманом. У него появлялась новая, шаманская душа.

Смерть-воскресение можно считать одним из древнейших архетипов эволюции сознания.

Жертва

Древняя шаманская инициация, перекодированная в рамках новой парадигмы, видится и в тантрической практике

Чод – поднесении своего тела в жертву злым духам.

Ритуальное убийство – расчленение – поедание/приобщение – соби́рание – переход в новое качество лежит в основе древних жертвоприношений, начиная от архетипа умирающего и воскресающего зверя (как на медвежьем празднике айну). Человеческое жертвоприношение также часто предполагало обожествление жертвы, передаваемой общиной миру предков (в позднейшей системе ценностей подчёркивались атрибуты «святости» жертвы: невинность, первородство и т. д.).

Аскеза

Аскеза как мучительное самоограничение, самоистязание (даже членовредительство) имеет прямое отношение и к принесению себя в жертву, и к инициации, переходу в экстатическое состояние, обретению новых способностей и мощи. Аскет выходил из мира людей, направив свою волю прямо противоположно текущим людским стремлениям. И таким образом тоже оказывался вовне, в мире духов и сил (и тем самым, как ни парадоксально, его подвиг получал социальную санкцию). То же происходило и с ушедшим в пустыню.

Карнавал

Аграрный культ, привязанный к земле и обязанный почитать её духов, приобщал людей к миру духов-хозяев через праздники-карнавалы с их гипертрофированной сексуальностью и нарочитой непристойностью, принесением (или имитацией) кровавой жертвы, вечным повторением мистерии убитого, растерзанного и воскресающего бога, явлением трикстера (собирающего первопредка) во имя богатства и плодородия/чадородия.

Мистерия, лежащая в основе карнавала (во всех его формах), сочетает в себе приход духов (масок, ряженых), возвращение в первовремя, буйства, снятие табу с обновлением мира через жертву (смена власти, сожжение старого божества) и возрождение.

В процессе развития древняя мистерия может обретать дополнительные значения, новые социальные и психотехнические смыслы, эволюционируя по всему спектру от буддийской тантры и христианства до народных культов и демонопоклонничества, от психических патологий до светских народных забав. Таковы свойства архетипа.

Шабаш

В принципе, нетрудно заметить, что сценарий шабаша укладывается в вышеописанный сюжет. Разница в «перевёртыше»: вместо мужчин деятелями были женщины и ведьмовской шабаш мыслился губительным, а не плодоносным.

И то, что ведьмы не наряжались, а, наоборот, раздевались, вполне логично – женщина по своей природе ближе к миру духов, она там своя (рождение ребёнка рассматривалось как проявление чудесного). В то же время сожжение ведьмы (позднее – чучела) – логическое завершение карнавального сценария.

Революция

Занятно, что и мифология революции 1917 года включает в себя все основные элементы мистерии. Это карнавальность революции – праздника непослушания, обновления мира, свержения и убийства старого царя, смены ролей и отмены табу. Даже крейсер «Аврора» – морской корабль, идущий речными водами в город, напоминает о карнавальном корабле на колёсах. Тотальное оборотничество: полицейские превращаются в преступников, преступники – в полицейских, солдаты – в бунтовщиков.

И по дате почти Самайн...

Вот только всё серьёзнее – маска ягуара прирастает к лицу танцора...

Энергия разрушения (пробуждение скрытых сил народа) воспевается поэтами-авангардистами, внемлющими гулу из недр Земли. Вся история Гражданской войны на десятилетия вперёд становится притчей о вулканическом экстазе – прорыве к свету через невероятные страдания и раз-

рушения в противоборстве с превосходящими силами космического зла («Республика в кольце фронтов!»). И в основе победы – аскеза и жертва. Нарком продовольствия падает в голодный обморок, похороны жертв становятся главным ритуалом революции – «Вы жертвою пали в борьбе роковой». И так вплоть до 30-х: все песни о жертвах, самопожертвовании, гибели в борьбе, «и как один умрём за власть за эту». Святые-политкаторжане... Монументальная пропаганда... Памятник Иуде...

Но и, конечно, инициация – и личная каждого, и всей страны: рождение через смертные муки – мировой пожар, «до основанья, а затем...».

Вот только момент одержимости не получил должного развития. Разве что у Майринка в его «Вальпургиевой ночи» (1 мая!), с духом Яна Жижки, вселившегося в актёра Зерцало, чтобы возглавить революцию...

Приложение

Шарль де Костер. Легенда о Тиле Уленшпигеле

«И ещё семь раз воззвал царь зычным голосом. Вслед за тем заблестали молнии, раздались страшные удары грома, и вдруг позади царя возник усеянный солнцем и звёздами свод. И царь с царицей воссели на трон.

А воссев на трон, они, не меняя благородного выражения

лиц своих, не нарушив царственного своего величия и спокойствия ни единым движением, бросили клич.

В ответ на их клич всколыхнулась земля, задрожали скалы и льдины. И тут Уленипигелю и Неле послышался треск, как будто исполинские птицы разбивали своими клювами скорлупу огромных яиц.

И при этом мощном движении всей земли, напоминавшем морской прибой, возникали яйцевидные формы.

Внезапно вырос целый лес; сухие ветви деревьев сплетались, их стволы шатались, как пьяные. Потом деревья расступились и между ними образовались широкие прогалины. Из всё ещё ходившей ходуном почвы возникли духи земли, из чащи леса — духи деревьев, из моря — духи воды.

Далее взору Уленипигеля и Неле явились гномы, что сторожат подземные сокровища, — горбатые, криволапые, мохнатые, кривляющиеся уроды; владыки камней; лесовики: этим рот и желудок заменяют узловатые корни, которыми они высасывают пищу из недр земли; властелины руд, отсвечивающие металлическим блеском, лишённые дара речи, не имеющие ни сердца, ни внутренностей, движущиеся самопроизвольно. Тут были карлы с хвостами, как у ящериц, с жабыми головами, со светлячками на голове, — ночью они вскакивают на плечи к пьяным прохожим, к боязливым путникам, затем спрыгивают на землю и, мерцая своим огоньком, который злосчастные путники принимают за свет в окне своего дома, заманивают их в болота и ямы.

Были тут и феи цветов — цветущие, пышущие здоровьем девушки, нагие, но наготы не стыдившиеся, прикрывавшие её лишь роскошными своими волосами, гордые своей красотой.

Влажные их глаза сверкали, точно жемчуг в воде; их упругое белое тело позлащал солнечный свет; дыхание, излетающее из их полуотверстых румяных уст, было ароматней жасмина.

Это они мелькают по вечерам в садах и парках, в лесной глуши, по тенистым дорожкам и взором, жаждущим любви, ищут мужскую душу, чтобы насладиться её обладанием. Если мимо проходят юноша и девушка, они стараются умертвить девушку, но это им не удаётся, — тогда они вселяют в сердце стыдливой красавицы такую силу страсти, что та поневоле отдаётся своему возлюбленному, а половина поцелуев достаётся фее цветов.

Затем на глазах у Неле и Уленипигеля с небесной вышины слетели духи — покровители звёзд, духи вихрей, ветерков и дождей — крылатые юноши, оплодотворяющие землю.

Внезапно видимо-невидимо птиц взреяло в небе — то были птицы-души, милые ласточки. С их появлением сразу стало светлее. Феи цветов, владыки камней, властелины руд, лесовики, духи воды, огня и земли хором воскликнули:

— Свет! Соки земли! Слава царю Весны!

Хотя единодушный их возглас прозвучал громче рёва бушующего моря, громче раскатов грома и воя урагана, слух

Уленипитгеля и Неле, боязливо и молча прижавшихся к корявому дубу, воспринял его как торжественную музыку.

Но им стало ещё страшнее, когда мириады духов начали рассказываться на громадных пауках, на жабах со слоновыми хоботами, на клубках змей, на крокодилах, которые стояли на хвосте и в пасти каждого из которых поместилось целое семейство духов, на змеях, — на кольцах каждой такой змеи уселось верхом более тридцати карликов и карлиц, — и на сотнях тысяч насекомых, каждое из которых было больше Голиафа, вооружённых мечами, копьями, зубренными косами, семизубыми вилами и прочими ужасными смертоносными орудиями. Насекомые дрались между собой, стоял невообразимый шум, сильный поедал слабого и на глазах тучнел, доказывая этим, что Смерть проистекает из Жизни, а Жизнь — из Смерти.

И всё это кишащее, неразличимое скопище духов гудело, как отдалённый гром, точно множество ткачей, сукновалов и слесарей, занятых своим делом.

Внезапно появились духи соков земли, приземистые крепьши, у которых бёдра были как гейдельбергские бочки, ляжки — как мюиды с вином, а мускулы до того сильны и могучи, что при взгляде на этих духов можно было подумать, будто тела их состоят из больших и малых яиц, сросшихся между собой и покрытых красною жирною кожей, лоснившейся так же, как их редкая борода и рыжие волосы. И каждый из них держал в руках огромную чашу

с какою-то странною жидкостью.

При виде их другие духи затрепетали от восторга. Кусты и деревья заколыхались, земля потрескалась, чтобы впитать в себя влагу.

И вот духи соков земли наклонили свои чаши — разом всё вокруг распустилось, зазеленело, зацвело. Трава зашевелилась от множества стрекочущих насекомых, в воздухе замелькали птицы и бабочки. Духи между тем лили и лили из чаш, и все подставляли рты и пили сколько могли. Феи цветов кружились вокруг рыжих виночерпиев и целовали их, чтобы те не жалели им соку. Иные умоляюще складывали руки. Иные блаженствовали под этим дождём. Но все они, алчущие, жаждущие, летавшие, стоявшие, кружившиеся или же неподвижные, — все тянулись к чашам и с каждой выпитой каплей становились резвее. Между ними больше не было стариков; и уродливые, и прекрасные — все были преисполнены бодрости и юношеской живости.

И они смеялись, шумели, пели, гонялись друг за дружкой по веткам деревьев, как белки, в воздухе — как птицы, самцы преследовали самок и исполняли под божьим небом священный завет природы.

А затем духи соков земли поднесли царю с царицей по большому кубку. И царь с царицей выпили и поцеловались.

После этого царь, держа царицу в объятиях, вылил из своего кубка остаток на деревья, на цветы и на духов.

— Слава Жизни! Слава вольному воздуху! Слава Силе! —

воскликнул царь.

И все воскликнули за царём:

– Слава Силе! Слава Природе!

И Уленипигель заключил Неле в объятия. Как скоро их руки сплелись, начался танец, и всё закружилось, словно листья на ветру, всё пришло в движение — деревья, кусты, насекомые, бабочки, земля и небо, царь и царица, феи цветов, властелины руд, духи воды, горбатые гномы, владыки камней, лесовики, светляки, духи — покровители звёзд, мириады чудовищных насекомых, сцепившихся копьями, зазубренными косами, семизубыми вилами, и эта заполнившая вселенную круговерть увлекла за собою и солнце, и месяц, и планеты, и звёзды, и ветер, и облака.

Дуб, к которому прислонились Уленипигель и Неле, тоже кружился в вихре танца, и Уленипигель шептал Неле:

– Девочка моя, мы погибли!⁵»

---

⁵ Перевод Н. Любимова

Миры Карлоса Кастанеды

Карлос Кастанеда (1925? — 98?) – американский антрополог, мистик, писатель.

Помните схему Мирового Яйца из Введения?

А теперь мы поменяем на ней надписи, исходя вот из этой инструкции:

«Форма светимости человека похожа на головку твёрдого сыра с вплавленным в неё диском из сыра более тёмного цвета. — Дон Хуан взглянул на меня и усмехнулся. Ему было известно, что я не люблю сыр.

На небольшой доске он нарисовал схему. Он изобразил яйцеобразную форму и разделил её вдоль на четыре части, сказав, что намерен сразу же стереть разделительные линии, поскольку нарисовал их только для того, чтобы показать мне, в каком месте кокона расположена полоса. Затем он нарисовал широкую полосу, расположенную между первой и второй частями, и стёр разделительные линии. Он ещё раз сказал, что полоса похожа на диск чеддера внутри головки твёрдого сыра.

– Теперь представь себе, что твёрдый сыр — прозрачен, и ты получишь точную копию человеческого кокона, — подвёл он итог. — Диск чеддера проходит насквозь через всю головку сыра — от передней поверхности до задней.

– Точка сборки расположена высоко, примерно на уровне в три четверти высоты кокона, на его поверхности. Когда нагваль надавливает на эту точку интенсивной светимости, она углубляется в диск чеддера».

Узнаёте? «Кокон» – это Мировое Яйцо в его стихийной части (Сфера Стихий). Там, где указано «Джамбудви́па», пишем: «Точка сборки обычного человека, тональ».

Плоскость земли обозначаем как «человеческая полоса».

На севере, то есть спереди и внизу, расположен Промисвет – одновременно источник Воли и щель, в которую входит смерть⁶.

Перемещение точки сборки внутри яйца будет «сдвигом»; выдвигание наружу, в эфирный и астральный слои, – «движением точки сборки».

То, что входит в Мировое Яйцо, помимо Джамбудви́пы, именуется Неизвестное; Вселенский океан, в которое погружено Яйцо, – Непознаваемое.

Есть и деление на Правый и Левый мир⁷:

«Давая наставления своим ученикам, дон Хуан постоянно напоминал им, что вся деятельность шаманов древней Мексики основывалась на том представлении, что человек состоит из двух

---

⁶ В каббалистическом учении, например, особо указывается, что на севере мир разомкнут в небытие.

⁷ Наша позиция в правом мире. Правая принадлежит дэвам (рацио, контроль), левая – асурам (стихия, интуиция).

взаимодействующих между собой цельных тел, одно из которых находится слева, а другое — справа. <...>

Шаманы древней Мексики считали каждый вид энергии отдельным, самостоятельным телом. Они называли их «левым» и «правым». Особое внимание шаманы уделяли левому телу, полагая, что его можно эффективнее использовать в магических целях, поскольку оно имеет более подходящую для этого энергетическую конфигурацию».

Древнее учение о полном подобии макрокосма (космоса архетипической реальности) и микрокосма (человека) вполне допускает такое отождествление.

В учении дона Хуана в книгах Кастанеды наш физический мир (космос) таков для нас только в силу позиции «точки сборки» на нашем энергетическом (сиречь стихийном) теле («коконе»). Изменим позицию – и мир начнёт меняться, космос – разрушаться, но в какой-то момент соберётся другой. Перемещение точки сборки через кокон или за его пределы и станет путешествием в Иное.

Итак, посмотрим, как Кастанеда описывает внутреннюю географию в книге «Огонь изнутри».

Человеческая полоса занимает примерно 1/10 светящегося яйца, пересекая его.

Точка сборки находится на краю полосы на поверхности кокона со спины, почти на его вершине, условно с правой стороны. Тем самым движение вглубь воспринимается как

движение справа налево (в архетипической картине мира это направление с юга на север).

Охваченное свечением осознания поле занимает значительную часть человеческой полосы. Это то, что называют правой стороной человека. Область обычного или приближенного к обычному состояния сознания.

При продвижении точки сборки «влево», то есть вглубь человеческой полосы, на определённом этапе собирается другая «большая полоса эманаций» – другой полноценный мир, отличный от нашего. Он отделён рубежом, который может восприниматься как стена тумана, пустыня с серными барханами. Но и до достижения этого рубежа «путник» встречает множество интересных феноменов и сознание его претерпевает радикальные изменения.

Сдвигение точки сборки по человеческой полосе может проходить по центру и по краям, последнее именуется «боковой сдвиг». В случае сдвигения по краям феномены будут восприниматься «антропоцентрично», через призму человеческого опыта и архетипов, по центру – безлично и «энергично».

На правом⁸ краю мы обнаруживаем *«бесконечные виде-*

---

⁸ Сдвигение по левому краю связано с активными религиозными чувствами: *«Я увидел множество людей, море свечей. Все они двигались по направлению ко мне. Я ощутил потрясающий подъём. Я ринулся к ним. Мною двигала бесконечная всеохватывающая любовь. Я жаждал быть с ними, молиться вместе с ними Господу, мне оставалось пробежать всего несколько футов, и я бы слился*

ния физической активности, насилия, убийств, чувственных проявлений»:

«Пока мы шли, я заметил, что каждый шаг приносит мне ощущение всё возрастающей ясности и прозрачности. Когда же мы остановились, я почувствовал, что всё мое существо словно пробудилось. Я слышал каждый звук, я улавливал любое малейшее изменение освещённости, меня охватила навязчивая жажда действия. Я ощущал всплеск чрезвычайной агрессивности, мышечной силы и дерзости. И в то же мгновение я увидел расстилающуюся передо мной обширную плоскую равнину. Прямо за моей спиной возвышался лес — огромная зелёная стена гигантских деревьев. В лесу царил тьма. Жёлтую равнину заливал яркий солнечный свет.

Я дышал глубоко и непривычно быстро,

с массой людей». При глубоком сдвиге по левому краю (в мифической космографии это восток) происходит переживание «светлого мира»: «Я оказался в светящемся мире. Свет исходил отовсюду, но не слепил. Это было похоже на то, как светит солнце, готовое вот-вот пробиться сквозь толщу полупрозрачных облаков. Я смотрел вниз на источник света. Было очень красиво. Земли не было — только белые пушистые облака и свет. И мы шли по этим облакам. <...> я вспомнил, что за пустынными дюнами есть ещё один мир, сияющий дивным, ровным, чистым, белым светом. Когда в этот раз мы с доном Хуаном вошли в белый мир, я ощутил, что свет, исходивший отовсюду, не прибавляет сил, но успокаивает настолько, что производит впечатление священного. <...> Моё осознание было привлечено огромным количеством фигур мужчин, женщин, детей всех возрастов и других непостижимых образов. Всё это ослепительно сияло лучистой белизной».

но чувствовал, что это — нормально. Однако именно ритм дыхания заставлял меня приплясывать на месте. Мне хотелось сорваться в галоп, вернее, этого хотелось моему телу...»

Глубокий сдвиг вдоль края позволяет создать тело сновидения, максимально похожее на физическое, только более сильное, а чем дальше, тем более причудливой и устрашающей формы (это и есть актуализация «левого тела»).

Дальнейший сдвиг по человеческой полосе, после светлого мира, собирает чёрный мир, или ад. По словам тольтеков, это первый мир, столь же реальный, как и наш – соответствующий другой большой полосе эманаций. Эта позиция, видимо, находится почти на противоположенной стороне человеческой полосы:

«Я подумал, что попал в ад! Шок от того, что я увидел, был настолько силён, что я вскричал, ужаснувшись. Но не издал при этом ни звука. То, что я видел вокруг, как нельзя лучше соответствовало картине ада, запечатлённой в моем сознании католическим воспитанием. Я видел красноватый мир, жаркий и гнетущий, тёмный, испещрённый пустотами, в мире этом не было неба и отсутствовал какой бы то ни было свет, кроме злобещих отражений красноватых огней, метавшихся вокруг с немыслимой быстротой.

<...> я обнаружил, что нахожусь в чёрном мире. Он не был тёмнее как ночь, скорее просто всё,

что меня окружало, было чёрным, как смоль. Я взглянул на небо, но нигде не было видно света. Небо тоже было чёрным и буквально сплошь усеянным линиями и неправильными кольцами черноты разной плотности. Оно было похоже на чёрную древесину с рельефно выделенной фактурой.

Я посмотрел вниз, на землю. Она была пушистой. Казалось, она образована хлопьями агар-агара. Они не были матовыми, но они и не блестели. Это было нечто среднее. Такого я никогда в жизни не видел: чёрный агар-агар.

Затем я услышал голос видения. Он сказал, что моя точка сборки собрала целостный мир в другой большой полосе — чёрный мир.

<...> Я не хотел думать об уходе дона Хуана, поэтому спросил его о чёрном мире. Мне смутно припоминалось, что когда-то я его уже видел.

— Это — мир, который собирается проще всего, — ответил он. — И из всего, что ты только что пережил, внимания заслуживает только он. Сборка чёрного мира — единственная полноценная настройка эманаций другой большой полосы, которой тебе когда-либо удавалось добиться. Всё остальное — поперечный сдвиг в человеческой полосе, не выходящий за пределы одной и той же большой полосы — той, которой принадлежит и полоса человека. Стена тумана, жёлтые дюны, мир белых призраков — всё это результаты поперечного смещения точки сборки, обусловленные настройкой, которую она

осуществляет на своём пути к критической позиции.

Пока мы шли к площади, дон Хуан объяснил мне, что одним из странных свойств чёрного мира является отсутствие в нём эманаций, отвечающих за время в нашем мире. Вместо них там имеются другие эманации, дающие другой результат. Попав в чёрный мир, видящий может чувствовать, что прошла вечность, но в нашем мире за это время проходит лишь мгновение.

— Чёрный мир — ужасен, потому что тело в нём стареет, — убеждённо добавил он».

Позиция точки сборки, прямо противоположная нынешней (видимо, на поверхности кокона или вблизи), именуется «тёмная сторона человека»:

«Новые видящие заметили, что некоторые из навязчивых видений древних толтеков — видений, постичь которые было практически невозможно — совпадали со смещением точки сборки в зону человеческой полосы, диаметрально противоположную тому месту, где точка сборки находится в нормальном состоянии. Это были видения тёмной стороны человека.

Я спросил:

— Почему ты называешь это тёмной стороной?

— Потому что она мрачна и связана с дурными предзнаменованиями. Это — не просто неизвестное, это то, что совершенно ни к чему знать».

Помимо сдвига по человеческой полосе (т. е. «влево»),

ВОЗМОЖЕН СДВИГ ВНИЗ ОТ ИСХОДНОЙ ПОЗИЦИИ:

«...некоторые видящие могут смещать точку сборки вниз от того места, где она обычно расположена. Новые видящие так и называли такое перемещение точки сборки — «сдвиг вниз».

— Иногда видящим приходится страдать от случайных сдвигов вниз, — продолжал дон Хуан. — Точка сборки не остаётся в нижнем положении надолго. К счастью, поскольку внизу — место зверя. Так что сдвиг вниз идёт вразрез с нашими интересами, хотя это и самое простое, чего можно добиться.

— В своём подходе древние видящие допустили множество ошибок. И одной из наиболее прискорбных стал сдвиг в неизмеримо огромную область, расположенную ниже исходной позиции точки сборки. Благодаря такой практике древние видящие стали мастерами по части принятия форм животных. В качестве точек отсчёта они выбирали различных животных, называя их своим нагвалем. Толтеки верили, что, сдвигая точку сборки в определённые положения, они приобретают свойства избранных ими животных — их силу, мудрость, коварство, ловкость или свирепость.

— Даже в среде современных видящих встречается довольно много страшных примеров подобного рода практик. Относительная лёгкость, с которой точка сборки сдвигается в нижние позиции, делает их весьма заманчивыми, особенно для тех видящих, кто от природы склонен к сдвигу в этом направлении. <...>

– Женщины-видящие чаще испытывают сдвиги вниз, чем мужчины, — продолжал дон Хуан. — Но зато им ничего не стоит выбраться оттуда. Мужчины же задерживаются там надолго, что очень опасно. <...>

Вместе с естественными способностями, а может, вследствие их, женщины обладают исключительно яростной силой. Поэтому они могут воспроизвести животную форму с яркостью, лёгкостью и непревзойдённой дикостью.

– Когда тебе на ум приходят мысли о пугающих вещах, — продолжал дон Хуан, — о чём-то рыщущем во тьме, чему нет имени, ты, сам того не зная, думаешь о женщине-видящей, которая сдвинула свою точку сборки вниз и удерживает её там — в каком-то месте этой безмерной области. Ибо именно там лежит зона истинного ужаса. И поэтому, если когда-нибудь тебе встретится женщина-видящая, избравшая ошибочный путь, — беги от неё что есть духу без оглядки!»

Помимо обычного и чёрного мира, на Земле существует ещё шесть миров, которые возможно собрать. Один из них, как и чёрный, сравнительно легко доступен.

Речь, видимо, идёт вот об этом:

«Как только я оказался там, я заметил, что внутренняя поверхность была так же равномерно пористой, как и внешняя, но выглядела не так грубо, будто её неровности были отшлифованы. То, что я рассматривал снаружи, имело структуру,

напоминающую что-то похожее на увеличенное изображение пчелиного улья. Во всех направлениях расходились бесчисленные тоннели всевозможных очертаний. Некоторые из них вели вверх, другие — вниз; были также идущие налево и направо; они образовывали всевозможные углы друг с другом, направляясь один выше, другой ниже, будучи наклонёнными более или менее покато.

Свет был очень тусклым, но всё было отчётливо видно. Тоннели выглядели оживлёнными и сознательными; они «кипели». Я пристально взглянул на них и с удивлением понял, что вижу их. Это были энергетические волокна. Как только я это постиг, голос эмиссара из сновидения зазвучал в моих ушах так громко, что я не мог разобрать ничего из сказанного.

— Говори тише, — завопил я нетерпеливо, замечая, что во время произнесения мною слов тоннели исчезают из виду, а я погружаюсь в вакуум, где могу только слышать.

Эмиссар понизил голос и сказал:

— Ты находишься внутри неорганического существа. Выбери себе любой из тоннелей, и ты сможешь жить в нём вечно. — Голос смолк на мгновение, а затем прибавил: — Разумеется, если ты хочешь этого.

Я не мог заставить себя вымолвить хоть несколько слов. Я боялся, что любое моё утверждение может быть понято в смысле, противоположном тому, который я в него вкладываю.

— В этом для тебя есть бесчисленные

преимущества, — продолжал голос эмиссара. — Ты можешь жить в любых тоннелях, какие пожелаешь. И в каждом ты сможешь узнать что-то новое. Маги прошлого жили там и научились многим удивительным вещам».

Остальные пять миров труднодоступны. Чтобы попасть в них, древние видящие полностью трансформировали своё энергетическое тело: или вытягивали его в полосу (в результате максимального внешнего выдвижения точки сборки, т. е. эти эманации вне кокона-яйца), или «превращались в деревья». Поскольку известно, что у деревьев точка сборки в самом низу, то в этой позиции и надо искать эти миры.

Более чем вероятно, что указанные семь миров соответствуют семи нижним мирам из мифологии древних видящих, о которых ранее упоминал дон Хуан.

Семи иным мирам соответствуют семь «полос эманаций», порождающих «неорганическую жизнь».

Неорганические существа, союзники, у Кастанеды явно перекликаются с духами и демонами мифической космографии. Они Иные, но могут «проецироваться» в наш мир, принимая человеческую, животную или устрашающую форму.

Дон Хуан, классифицируя неорганических существ, неоднократно отмечал, что часть из них пригодна на роль «союзников» мага, а другие нет.

Похоже, это деление связано с их принадлежностью к од-

ному из двух ближайших миров.

Один из этих миров дон Хуан характеризует как двойника нашего.

«Дон Хуан сказал, что неорганические существа, населяющие наш сдвоенный мир, считаются магами его линии нашими родственниками. Эти шаманы считали, что бесполезно завязывать дружбу с членами семьи, потому что на такую дружбу всегда накладываются непомерные требования. Он сказал, что неорганические существа этого типа, которые приходится нам двоюродными братьями, беспрестанно общаются с нами, но их общение с нами находится не на уровне нашего осознания. Другими словами, мы всё знаем о них подсознательно, а они всё знают о нас сознательно. — Энергия наших двоюродных братьев — обуза! — продолжал дон Хуан. — Они настолько же испорчены, как и мы. Органические и неорганические существа наших спаренных миров — это, скажем, дети двух сестёр, которые живут по соседству. Они совершенно одинаковы, хотя и выглядят по-разному. Они не могут помочь нам, и мы не можем помочь им. Возможно, мы могли бы объединиться и создать потрясающую семейную корпорацию, но этого не произошло. Обе ветви семьи очень раздражительны и обижаются из-за пустяков, — обычные отношения между раздражительными двоюродными братьями. Маги древней Мексики считали, что загвоздка в том, что

и люди, и неорганические существа из сдвоенных миров — порядочные эгоманьяки».

Эти союзники определяются как «водяные». Видимо, это обитатели того трубчатого мира, который был описан выше:

«Водяные неорганические существа наиболее склонны к излишествам. Древние маги считали, что они сильнее любят, лучше притворяются и даже, возможно, обладают эмоциями. В противоположность неорганическим существам огненного свойства, которых древние маги считали серьёзными, более сдержанными, но также и более напыщенными».

«Огненные», с которыми у магов, возможно, успешное сотрудничество, вероятно, принадлежат чёрному миру.

Вода и Воздух

Смена хозяев

Неолитическая революция изменила место человека в ландшафте. Выходят на первый план и другие духи-хозяева. Теперь быть владыками земли означало быть хозяевами вод – источника жизни.

Наступила эра подземных, подводных и дождевых богов.

Изменились и автохтоны – древние хозяева, всё чаще они теперь имеют змеевидный или полузмеевидный облик (характерный для подземно-подводных сил).

Появились в мифологии древние племена, ушедшие под землю, и легенды о затопленных селениях, о богах, приходящих из-за моря. Примером такой расы древних владык земли, перешедших в подземно-подводную сферу, являются ши (фейри) кельтских сказаний (хотя предания о них имеют и иные архетипические корни).

Другие земные боги стали хранителями подземных сокровищ.

Универсальный образ владыки вод (подземных, открытых и атмосферных) и горных богатств – дракон. Он же подводное чудовище и пернатый змей (снимающий оппозицию между водами верха и низа).

А драконы, как известно, требуют жертв...

Мировые воды

Здесь мы впервые имеем чёткий мифологический образ «гидросферы», окружающей и питающей обитаемый мир. Все воды мира едины и соединены друг с другом. На «плоскости земли» это река Океан, омывающая землю и являющаяся истоком всех рек; по вертикали это небесное море («хляби небесные», «воды над твердью»), а внизу – подземный океан, воды смерти, куда отверсты бездны, жадно и бесконечно поглощающие в водоворотах верхние воды.

Циркуляция вод (особенно подробно описанная в иранской мифологии) – это процесс их загрязнения/очищения. Орошая землю, великие реки загрязняются. В морях их воды фильтруются и поднимаются в верхние пресные водоёмы, откуда (от преддверья рая) снова ниспадают на землю водами небесной реки. Или же, напротив, проваливаются в великую пропасть, а потом поднимаются из подземных пещер, оставив внизу иловые осадки в адских болотах.

Подобно этой бесконечной циркуляции вод идёт и круговращение душ.

Рубеж

Сфера вод – это, прежде всего, рубеж, отделяющий зем-

лю от иных миров, в том числе мир мёртвых от мира живых. Преграда и пространство коммуникации – извечная роль и мифических, и земных морей.

Это подземная река, которую надо пересечь, или река Океан, или просто стена тумана, или колодец.

Есть и ещё один архетипический признак рубежа миров – псоглавые – народ, неизменно обнаруживаемый географами на рубежах известного мира (в мусульманской мифологии они живут сразу под землёй). Или просто собаки, от адского пса Кербера, до пса, перевозящего через подземную реку, в индейской мифологии. Собака – первое живое существо, прирученное человеком (ещё в палеолите), – стала и первым посредником между человеческим и нечеловеческим миром.

Мир иллюзий

Рубеж здесь размыт, потому что образ океана поглощает собой и воздушный океан. Но это то, что за водным рубежом. Часто встречающиеся интерпретации: острова в океане, морское дно, подземный мир, воздушный мир – где строит свои призрачные замки Фата Моргана.

Это мир неустойчив, обманчив, исчезающ, зеркален, опасен. Здесь всё не таково, как кажется, и перенесённое в обычный мир становится чем-то иным.

Его обитатели владеют превращениями и склонны

к розыгрышам и двусмысленностям. Это мир памяти. Его населяют умершие, древние и иные (грань между ними в мифах порой стирается). Древние – люди исчезнувших на земле человечеств, длящие здесь свой серебряный век. Иные «другие люди» – эльфы, якши, сильфы...

Обычно они не связаны с какой-то одной стихией, как ши, живущие за морем, под морем, в древних курганах-сидах и в случае чего поднимающиеся по воздуху как по лестнице. Или как пэри, феи и апсары: крылатые, но связанные с водными источниками (поэтому так часто превращение в лебедя). Время у них течёт по-иному, и им открыто будущее.

Их правила-табу не такие как у людей, но соблюдаются не менее жёстко.

Это и пограничный мир, где мёртвые могут общаться с живыми, поэтому с этими мирами связан культ предков и вызывание духов.

Мёд поэзии

Грубую похоть мира «земли» здесь сменяет тонкий эрос, не отягощённый чувством вины и греха. Здесь возможна встреча с анимой/анимусом. Неслучайно этот мир так притягателен для поэтов и других «артистов». Львиная доля описаний Иного мира в искусстве относится к этой сфере. Подлинность её переживания может быть достигнута легче, чем более высоких, представленных в коллективном сознании

чаще всего просто набором мёртвых постулатов и правил.

И да, именно здесь бьёт «источник мудрости», наделяющий поэтическим даром и чувством прекрасного. И источник Мнемозины-памяти, про который не ведают большинство оказавшихся здесь «проездом»: они пьют воды забвения и снова и снова повторяют один и тот же путь – между земным воплощением и тьмой загробного мира.

Аборигены – те, которые помнят; они «живые» среди мёртвых. Их ум – это память и воображение (о такой культуре памяти писал Штайнер применительно к лемурийцам).

Богемный лозунг «Морали нет, есть только красота!», произнесённый Савинковым, применим к этой сфере, но не означает отсутствие правил. Правила здесь существуют, и их не выдумывают – их помнят. У аборигенов просто нет органа, которым можно грешить: по единогласному мнению христиан, у них нет души (вспомним, например, Русалочку Андерсена) и в день Страшного суда они просто исчезнут без следа. Их называют и серыми ангелами, отказавшимися выбирать между добром и злом.

Но можно сказать и так, что они те, кто не стал вкушать с Древа Познания добра и зла и остался в Раю («грех Адама скрывает нас от людей»). Хотя кому-то из них явно удалось вкусить с Древа Жизни...

Душа, которой у них нет, – это «душа вождедеющая», витальное эго. И они с сожалением, смешанным с презрением,

смотрят на потомков Адама, приобретших её и открывших себе дорогу в ад. Трудно остаться здесь тому, кто несёт ад в себе... Но без этой души нет и восхождения...

Судя по ряду характерных признаков (пастбища, сооружения из металлов), знакомство с этой сферой в целом приходилось на эпоху раннего скотоводства и металлургии.

Некоторые сюжеты

Рай обывателей

Посмертие не развивавших душу и не нарушавших табу, почти не отличимое от их жизни в этом мире (но несколько более комфортное и сытое). С ним связан сюжет «деревня мёртвых»: пришедшего туда из мира живых покойники принимают за злого духа, перенесённое из одного в другой мир становится испорченным и негодным, и наоборот.

Для состояния, которое ведёт в этот мир, характерно полное вовлечение в бытовой/производственный процесс и в «чувство жизни» без проблеска абстрагирования, без сильных страстей и вожделений.

Селение бессмертных

Герой случайно попадает в затерянный мир, подобный

раю. Тоска по родине заставляет его вернуться. Обратного пути к бессмертным он найти не может. Вариант: обнаруживает, что за время его отсутствия в земном мире минули века (в другой версии сюжета герой оказывается участником игры или танца бессмертных).

Иномирная любовь

Герой влюбляется в существо из иного мира (или становится объектом его любви). История обычно заканчивается трагически: герой или его родичи нарушают закон иного мира и любимый гибнет или покидает героя. Вариант: герой оказывается между мирами и, будучи не в силах выбрать ни один из них (гложет тоска по другому), погибает.

Возвращение к корням

Герой, измученный метаниями и разочарованный в целях, в этом мире или в ином, возвращается к истоку: к семье, родителям, в родную деревню, в родную веру и т. д., обнаруживая высшую ценность непритязательной простоты и бытового служения.

Тихая гавань

Герой, измученный жизнью и разочарованный в целях,

возвращается и строит хижину на берегу океана страстей и страданий, который ему не удалось пересечь, обретя мудрость побеждённого.

Оправдание творчеством

Герой, наделав аморальных поступков, «запутавшись в связях» и заблудившись в страстях, находит своё оправдание в творчестве: написанных книгах, стихах, картинах и т. д.

Призраки памяти

Герой в ином мире встречается со своим прошлым, неразрешёнными проблемами и совершёнными ошибками, и пытается что-то исправить.

Приложение. Йейтс. Кельтские сумерки

«Как-то вечером один средних лет человек, проведший всю жизнь свою вдали от дребезжания колёс по городским бульжным мостовым, молоденькая девушка, его родственница, которая, по слухам, обладала достаточными духовидческими способностями, чтобы наблюдать неизвестного происхождения огоньки, танцующие тихо в полях между стад, и сам я, собственной персоной, шли по песку вдоль

берега моря, на крайнем западе страны. Мы говорили о Народе Забвения, как иногда называют здесь фэйри, и за разговором дошли до всем в тех краях известного их обиталища — до неглубокой пещеры в чёрных базальтовых скалах, отражавшейся, как в воде, в мокром морском песке. Я спросил у девушки, не видит ли она чего: мне было о чём спросить у Народа Забвения. Несколько минут она стояла совершенно тихо, и я заметил, что она погружается постепенно в некое подобие транса — холодный морской бриз вообще перестал её беспокоить и монотонный гул набегаящих волн, очевидно, совершенно для неё смолк. Я выкрикнул громко несколько имён — все имена великих фэйри, и буквально через несколько секунд она сказала, что слышит откуда-то изнутри скалы музыку, потом — отдалённые голоса и согласный топот ног о камень, так, словно собравшиеся люди приветствовали невидимого нам артиста. До самой до этой минуты приятель мой ходил взад-вперёд чуть в стороне, в нескольких ярдах от нас, теперь же он подошёл к нам вплотную и сказал, что нам, наверное, придётся отложить на время наш эксперимент, потому что сюда идут люди, он-де слышит между скалами детский смех. Духи места и его не обошли своим вниманием. Девушка тут же согласилась с ним и сказала, что сквозь музыку, голоса и топот ног она тоже слышит взрывы смеха. Потом она увидела, как пещера стала глубже и из самой глубины её заструился свет, а с ним явилось множество маленьких чело-

вечков в разноцветных одеждах, красных по преимуществу, и все они танцевали под музыку — мелодии такой ей прежде слышать не доводилось.

Затем я попросил её обратиться к королеве маленького народца — пусть она явится и поговорит с нами. Она так и сделала, но ответа не последовало. Тогда я сам повторил слова заклятия, громко, и через секунду она сказала, что из пещеры вышла женщина, высокая и очень красивая. К этому времени я тоже впал в некое подобие транса, и то, что принято называть ирреальным, стало понемногу, но весьма уверенно обретать для меня зримые формы; у меня возникло такое ощущение — не то чтобы я увидел, но именно ощутил — золотое шитьё и тёмные волосы. Я попросил девушку передать королеве, чтобы она вывела из пещеры своих подданных по племенам и коленам, так, чтобы мы смогли их разглядеть. Как и прежде, мне пришлось повторить приказ свой самому. Маленький народец и впрямь буквально валом повалил из пещеры, выстроившись, насколько я помню, в четыре колонны. У одних, согласно её описанию, в руках были луки из рябинового дерева, у других на шеях — ожерелья из чего-то вроде чешуйчатой змеиной кожи, но как и во что они были одеты, я не помню. Я попросил королеву сказать моей духовидице, не есть ли её пещера, так сказать, столица всех окрестных фэйри. Губы её задвигались, но ответа расслышать мы не смогли. Тогда я велел девушке положить руку королеве

на грудь, и тут каждое её слово стало слышно совершенно отчётливо. Нет, это не самое большое поселение фэйри в здешней округе, чуть дальше есть ещё одно, и там их куда больше. Затем я спросил, правда ли, что она и её люди крадут смертных, и если это правда, оставляют ли они взамен украденной другую душу. «Да, мы меняем тела», — был ответ. «А кому-нибудь из вас приходилось рождаться в смертном теле?» — «Да». — «Знаю ли я кого-нибудь, кто был до своего рождения одним из вас?» — «Да, знаешь». — «Кто они?» — «Этого тебе знать не следует». Потом я спросил, а не являются ли и сама она, и весь её народ «драматизациями внутренних наших состояний». «Она вас не поняла, — сказала моя приятельница, — она говорит, что народ её очень похож на людей и многое из того, что свойственно большинству из смертных, им свойственно тоже». Я спрашивал ещё о её природе, о целях и месте её в мироздании, но подобного рода вопросы только лишь удивили её и озадачили. В конце концов она начала, кажется, терять терпение и написала для меня особо на песке — песке невидимом: «Будь осторожен и не пытайся слишком многое о нас узнать». Поняв, что чем-то её задел, я поблагодарил её за все, что она нам объяснила и показала, и позволил ей удалиться обратно в пещеру. Чуть времени спустя девушка очнулась от транса, холодный ветер с моря вновь напомнил о себе, и её передёрнуло дрожью⁹.

---

⁹ Перевод Вадима Михалина

Миры Михаила Булгакова

Всякий читавший роман Булгакова «Мастер и Маргарита» может не без оснований заподозрить, что что-то здесь не так. Персонажи, тщательно маскирующиеся под Сатану и Христа, ведут себя для евангельских героев, скажем так, несколько нестандартно. Иешуа не воскресает, всё относящееся к христианским догматам – причащение кровью, преобразование, воскресение мёртвых – происходит исключительно на балу у Сатаны. Воланд не восстаёт против Бога, не борется против Иешуа и, собственно, не творит никакого зла – скорее, вершит должное, выступает как катализатор закономерного процесса. То, что вытворяет его свита в Москве, больше напоминает шутовство – злое, но остроумное хулиганство. Да и её жертвы, в общем-то, обычные люди со своими достаточно мелкими пороками, такими как неверие, пошлость, стяжательство. Не случись Воланда, барон Майгель всё равно был бы застрелен, а Берлиоз попал бы под трамвай.

Но то, что справедливость в романе олицетворяет дьявол, по меньшей мере странно.

Похоже, мы находимся здесь внутри не христианского, а совсем иного мифа.

«Левый» мир

Название это, конечно, условно. Можно называть его «задним», или «океанским», или «западным», как египтяне, но тем не менее это будет точнее, чем называть его просто «нижним».

Действительно, бинарная оппозиция верх/низ необычайно популярна и может быть легко продолжена как день/ночь, свет/тьма, добро/зло, рай/ад. Но очень многие развитые мифологии содержат в своей структуре не диаду, а триаду. Мы встретим её в мифах Японии и Мезоамерики, Египта и Шумера, Индии и Греции, в ирландских и исландских сагах, поусторонних маршрутах бурятских и амурских шаманов...

Верхний мир – мир Неба, светил, дня, света, и нижний мир Тьмы – смерти, болезни, испытания, разложения (инфернальный загробный мир), их дополняет мир Океана – перехода, мир ночного Солнца. Именно он и связан со сферой *Vod par excellence*. Его архетипические характеристики достаточно устойчивы: низ, океанские бездны, устье рек, очищение, омовение; сюда за горизонт для обновления спускаются звёзды и светила. Лунный свет, туманы, луга, великаны и карлики, источник (или древо) мудрости (он же источник поэзии), волшебные плоды, драгоценные металлы. Искусство магической иллюзии, остановившееся или почти остановившееся время, страна женщин. Здесь открывается вход в бездну инферно, куда стремятся умершие и откуда выходят по ночам призраки, но отсюда же начинается путь

на небо, по которому ночное Солнце вновь вступает на небосклон. Здесь обитают эльфы и титаны-асуры – древние владыки земли и противники богов, но не демоны ада в обычном понимании.

Владыка этого мира – бог Океана/Хаоса и ночного неба, бог Утренней Звезды. В индийских преданиях это Варуна, у кельтов – Огмий, у шумеров и вавилонян – Энки (Эйя) и т. д. Бог сокрытой мудрости и космической справедливости, хранитель мира/космоса, оберегающий его извне, из внешней тьмы. Бог скорее строгий, чем щедрый, но не враждебный людям. Бог космического равновесия, владыка магической иллюзии, создатель письменности. Мир заколдован, скреплён им посредством знаков, писаного слова. Это его стихия.

Поэтому и роман Мастера – это не просто роман...

В романе Булгакова нет Бога, как нет его в мифе о трёх мирах, точнее там он бесконечно далёк. В Воланде нет главной составляющей сатанинского мифа – мотива бунта, богоборчества. Но кем в бинарном мифе может предстать повелитель теневой, невидимой части мироздания?

Левий Матвей действительно глуп...

Посмотрим, как основные архетипы Левого мира находят отражение в романе, проступая сквозь канву сатанинской атрибутики:

Очищение и Воскресение

Уход Солнца в Левый мир – его ежевечерняя смерть, и в глубинах свершается таинство воскресения. Это и мир очищения, смывания всего временного и фальшивого. Эта функция не столь очевидна, но и в романе гроза (пришедшая с запада) и огонь играют ту же роль – очистителей. Смерть Мастера и Маргариты оказывается их воскресением в инобытие.

Альbedo

Стадия очищения на пути индивидуации (становления полностью зрелой личности) – наиболее близкий аналог Левому миру в психологической теории Юнга. Сны периода альbedo пересекаются с его образным рядом. Мир альbedo – залитый лунным светом зыбкий мир превращений. Его обитатели: шуты, сумасшедшие, поэты, актёры, мошенники. Едва ли того же нельзя сказать о булгаковском романе. Да и сам Воланд старательно играет театрального Мефистофеля.

Майя

Левый мир – это действительно мир майи, превращения и отвода глаз. Именно этим с большим искусством занимаются эльфы (ши) кельтских преданий, асуры и йотуны. Деньги, разбрасываемые свитой Воланда, – то же золото эльфов,

подверженное непредсказуемым превращениям. Театр, балаган, смена масок, от мошеннического ранения Бегемота до последних превращений на заключительных страницах романа. Искусство майи – это и игры со временем и пространством, жизнью и смертью, размытость границ между ними, невидимость.

Одноглазие

Очень характерный мотив, указывающий на принадлежность сразу к двум мирам. Сравним: одноглазие Азazelло, разные глаза Воланда, треснувшее пенсне Коровьева.

Мёртвые

Навыи (мертвяки) – постоянные гости Левого мира. Входы в него ведут через моря и древние могильники – сиды. Но сами обитатели Левого мира именуют себя Страной Живых. Просто перед мёртвым меньше преград. Здесь перекрёсток миров и врата ада отверсты подобно камину в преображённой ювелиршиной квартире.

Перекрёсток

На этом перекрёстке оказываются герои в последней главе:

«Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога, и первым по ней кинулся бежать остроухий пёс. Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал хриплым, сорванным голосом. Нельзя было разобрать, плачет ли он или смеётся, и что он кричит. Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побегал и он.

— Мне туда, за ним? — спросил беспокойно мастер, тронув поводья.

— Нет, — ответил Воланд, — зачем же гнаться по следам того, что уже окончено?

— Так, значит, туда? — спросил мастер, повернулся и указал назад, туда, где сооткался в тылу недавно покинутый город с монастырскими пряничными баиньями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле.

— Тоже нет, — ответил Воланд, и голос его сгустился и потёк над скалами, — романтический мастер! Тот, кого так жаждет видеть выдуманый вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочёл ваш роман. — Тут Воланд повернулся к Маргарите: — Маргарита Николаевна! Нельзя не поверить в то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чём просил Иешуа за вас же, за вас, — ещё лучше. Оставьте их вдвоём, — говорил Воланд, склоняясь со своего седла к седлу мастера и указывая вслед ушедшему прокуратору, — не будем

им мешать. И, может быть, до чего-нибудь они договорятся, — тут Воланд махнул рукой в сторону Еришалаима, и он погас.

— И там тоже, — Воланд указал в тыл, — что делать вам в подвальчике? — тут потухло сломанное солнце в стекле. — Зачем? — продолжал Воланд убедительно и мягко, — о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днём гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждёт уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой. Прощайте! Мне пора.

— Прощайте! — одним криком ответили Воланду Маргарита и мастер. Тогда чёрный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Еришалаима не стало вокруг. Пропали и чёрные кони. Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет».

Вечная страна

Мы даже можем сориентироваться здесь по сторонам све-

та. Москва, догорающая закатом, остаётся на западе. Лунная дорожка ведёт на восток. Между западом и востоком через север и проходит ночной путь Левого мира. Здесь, на северо-востоке, перед самым восходом Солнца на земной горизонт многие мифологические традиции размещают Вечную страну – последнюю, самую удалённую его область.

Она неизменна со времён первотворения мира. Время и старость не касаются её. Энергия, породившая мир, не растрачивается. Это место восстановления сил.

Да, это Вечный дом и утраченный рай. Но не путь восхождения.

« – Он <...> просит тебя, чтобы взял с собою Мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла? – Мне ничего не трудно сделать, – ответил Воланд, – и тебе это хорошо известно... – Он помолчал и добавил: – А что же вы не берёте его к себе, в свет? – Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий».

Королева

Левый мир – женская сторона. Мужчина, достигший покоя Иного мира, встречает здесь проводницу и жену – идеальную женственность. Юнг называл её Анимой.

«Мастер шёл со своею подругой в блеске первых утренних лучей через каменный миштый мостик.

Он пересёк его. Ручей остался позади верных любовников, и они шли по песчаной дороге.

– Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под её босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не тревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпустил на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушёл в бездну, ушёл безвозвратно, прощённый в ночь на воскресенье сын короля-звездочёта, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат».

«Ложь было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошёл по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того всё сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге».

Да, свет, о котором говорится в романе, – это свет Луны. Луна преображает, Луна срывает маски. Луна мучает Мастера, Пилата и Бездомного. Но эта пытка не что иное, как тоска по горнему.

Я уже писал о Луне как светиле Левого мира. Но здесь придётся говорить о ней в несколько ином качестве – как о начале пути восхождения, первой небесной сфере. Наш падший мир – мир подлунный.

Плутарх в сочинении «О лике, видимом на диске Луны» излагает следующий миф:

«Большинство людей верно полагают, что человек – существо сложное, но неверно считают, что он составлен только из двух частей. Так, думают, будто ум есть как бы часть души, впадая в ошибку ничуть не меньшую, нежели те, которым душа представляется частью тела. Ибо насколько душа выше тела, настолько ум превосходнее и божественнее души. Смешение души с телом производит неразумное и страстное [начала], а соединение души с умом

производит разум. Первое есть начало удовольствия и страдания, второе – добродетели и порока. При соединении этих трёх частей Земля дала бытие телу, Луна – душе, Солнце дало человеку ум, подобно тому как оно же дало и Луне свет. Что до смерти, которою мы умираем, то одна делает человека из тройного двойным, вторая – из двойного единым. Первая происходит на Земле, которая принадлежит Деметре <...>. Вторая насильственно разрешает душу и тело; Персефона медленно и в течение длительного времени отделяет ум от души <...>. Каждое из двух отделений происходит, согласно природе, так: всякой душе, имеющей ум или лишённой ума, суждено по выходе из тела блуждать в области между Землёй и Луной, но не одинаковое время. Неправедные и невоздержные души отбывают наказания за неправды, а праведные должны пребывать некоторое положенное время в наиболее мягкой части воздуха, которую называют „лугами Аида“, сколько нужно для очищения и отваяния – как дурного запаха – связанных с телом скверн. Затем, как бы возвращаемые из изгнания в отечество, они вкушают такую же радость, как посвящаемые в таинства, испытывающие страх и смущение в соединении с надеждой».

Обратная сторона Луны – это и есть Елисейские поля, античный рай. Оттуда, освободившись от принадлежавшего ночному светилу, сознание продолжает своё восхождение.

Это уже Эфирный мир. Но в Стихийном мире на пути

к сфере Луны нас ещё ждёт труднопреодолимая преграда.

Огонь

Сфера Огня нередко предстаёт в виде огненной реки¹⁰. Но главным для распознавания является не это, а образ врат и застав. Путь через сферу демонических испытаний, независимо от того, отправляемся ли вверх, или вниз, или движемся «на край света», – это загробный путь души по дороге к пункту предназначения. Если квинтэссенция сферы Вод – это Левый мир, то самое жёсткое воплощение сферы Огня связано с пересечением адского конуса.

«Лучше быть последним подёнщиком на земле...»

В мифологиях, связанных с этой сферой, загробный мир всегда выглядит уныло и безотраднo, а путь к нему (или через него) является трудным и ужасающим.

Дорога предстаёт тёмным лабиринтом, где за душой охотятся всякие твари, или идёт по пустынной местности с препятствиями и демоническими засадами.

Это мир абсурда и распада.

Картина голодного, безнадёжного и сумрачного по-

---

¹⁰ В славянском фольклоре – реки Смородины (от «смород» – зловоние) – аналога индийской Вайтарани. Сюда, на берега Смородины, герои приходят биться с демоническими силами, и через неё спасаются, унося магическую добычу.

смерть (кроме редчайших избранников) была достаточно распространена в древнем мире (Египет, Вавилония, Греция, Мезоамерика, Океания, ранний иудаизм (шеол), синто, Эдда и др.).

Хотя обычно она связана с подземным миром, наверху дела обстоят не лучше. Там обитают «злые духи верхнего мира», насылающие смерть и забирающие при жизни душу за прегрешения (шаманизм), злые духи поднебесные (христианство), джинны (ислам), ракшасы и пишачи (индуизм), архонты «троп середины» (гностицизм).

Боги в характерной для этой сферы картине мира капризны, ревнивы, мелочно мстительны и откровенно кровожадны (и даже издевательски жестоки).

Per aspera ad astra

Учение о том, что в «подвалах» сферы Огня можно не только сгинуть навеки, но и выбраться и даже пройти насквозь, тоже древнее, хотя часто относилось к тайному знанию.

Было подмечено, что власть её над некоторыми категориями умерших слаба. Прежде всего это относится к павшим воинам (к этому мы ещё вернёмся), поэтому было отмечено, что гибель на войне (и жертвенном алтаре) угодна богам. Второе наблюдение касалось потомков богов: тот, в чьих жилах течёт божественная кровь, может пройти через заставы

(и даже кого-то провести с собой).

Из царства смерти удалось вернуться ряду богов (из разряда умирающих и воскресающих) и героев: Орфей смог сойти в Аид и выйти из него (хотя и не сумел вывести Эвридику); Кецалькоатль вынес оттуда старые кости, из которых на земле родилось новое человечество; Христос, прошедший в Аид неузнанным, сломал его двери и вывел Авраама и других праведных патриархов; божественные близнецы в эпосе майя смогли выдержать испытания, победить богов-судей загробного мира, оставив под их властью только варваров и грешников. Проходят запретным путём и возвращаются Геракл и Гильгамеш (потому что они дети богов).

Ушедшие и вернувшиеся поведали через мистерии о том, что там, за тьмой и огнём, есть что-то ещё.

Этим другим путём, минуя царство смерти, уходил живой бог – фараон. Достигали Елисейских полей герои – потомки богов (также во многих мифологиях Америки и Океании божественные вожди и их родичи).

Это знание стало основой мистериальных посвящений. И в Египте и в Греции до блаженной земли по ту сторону могли дойти те, кто предъявил стражам своё родство с богами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.